

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию
Шеповаловой Олеси Александровны
«Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции
по трансграничным частноправовым спорам», представленную на
соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной
специальности 5.1.5. Международно-правовые науки

1. Диссертационная работа О.А.Шеповаловой посвящена исследованию вопросов, связанных с проблемами определения юрисдикции при применении норм международного частного права (далее – МЧП), происходящие изменения в регулировании и наметившиеся тенденции делают любое исследование в названной области очень важным и актуальным. Рецензируемое же исследование отличается глубиной, всесторонностью, тщательностью работы как с нормативными, так и доктринальными источниками. Ориентированность на совершенствование отечественного законодательства делает проведенное исследование не только актуальным, но и практически значимым. Безусловным достоинством работы является глубокий сравнительно-правовой анализ систем международной подсудности. В этом диссертант следует традициям, заложенным в исследованиях отечественных ученых в сфере МЧП. Так, Л.А.Лунц выделял три основные системы: 1) т.н. «латинскую систему», воспроизведенную во французском законодательстве и в кодексе Наполеона 1804 г.; 2) систему, появившуюся в германском праве, в процессуальном Уложении 1877г. (см. Лунц Л.А., Марышева Н.И. Международный гражданский процесс // Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3т. М.: Спарк, 2002, -1007с., С.815).

2. Диссертант в принципе следует традиционной логике изложения зарубежного опыта, опираясь, при этом на действующие, современные акты (см, например, с.79-86 Диссертации). В то же время диссертант не обратил внимания на происходящие в современном мире изменения, за пределами процессуального регулирования, которые оказывают влияние на регулирование вопросов определения юрисдикции. К числу таких явлений следует отнести, в частности учащающиеся попытки отдельных государств

N 33-06-1238 от 12.12.2024

придать национальному законодательству экстерриториальный характер. В ряде случаев регулирование юрисдикционных вопросов превращаются в инструмент реализации экстерриториального воздействия. В качестве примеров можно привести санкционное законодательство США (например, принятый в 1996 г. в США Закон о Свободе Кубы и демократической солидарности (Cuban Liberty and Democratic Solidarity Act), более известный как Закон Хэлмса Бёртона (Helms Burton Act)). Закон наделял лиц, потерявших имущество в результате кубинской революции, правом обращаться в суды США с требованием о выплате компенсации к любым лицам, получившим выгоду от использования такого утраченного (экспроприированного) имущества. Обеспокоенные угрозой предъявления исков к предпринимателям третьих стран, страны гипотетического происхождения предпринимателей (в частности ЕС, Канада) обратились в орган по разрешению споров ВТО с требованием к США об отмене положений Закона Хэлмса Бёртона. США согласились отложить вступление в силу соответствующих положений (см Kern A. Extra-Territorial US Economic Sanctions and Third Party Liability for non-US banks and Companies, P.I, May 2001, P.223-239).

3. Рассматривая проблемы юрисдикции, диссертант сосредотачивается на практике государственных судов, однако в современных условиях проблемы конфликта юрисдикций возникают также и в практике негосударственных юрисдикционных органов. В частности, положения Вашингтонской конвенции 1965 г. об учреждении Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) предусматривают обязательство государств – участников признавать за решениями МЦУИС силу вступивших в силу решений высшего судебного органа. Несмотря на такие положения Конвенции 1965 г. вопросы о конфликте юрисдикций возникают в связи с порядком исполнения решений МЦУИС. Равным образом, несмотря на наличие Нью-Йоркской Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958г. возникают конфликты юрисдикций в связи с исполнением решений МКА.

4. Нередко конфликт юрисдикций возникает в связи с признанием/непризнанием иммунитета государства, выступающего в качестве стороны в спорах, связанных с иностранными инвестициями. В этой связи заслуживает внимания вопрос относительно юрисдикционного иммунитета государства. Данный вопрос нашел отражение как в законодательных актах отдельных государств (например, Закон США Об иммунитете суверенного государства 1976 г. (Foreign Sovereign Immunities Act of 1976 (FSIA)), так и в международных документах (например, не вступившая в силу Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, принятая резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи от 2 декабря 2004 года.). Названные акты (или подобные им) заслуживают анализа особенно в связи с заявленной автором позицией, в соответствии с которой реализация государством своей юрисдикции является формой реализации суверенитета государства. Заявленная автором позиция, касающаяся связи юрисдикции и суверенитета государства, безусловно заслуживает поддержки, однако практическая реализация этой связи требует более широкого подхода чем рассмотрение проблем исключительно через призму норм процессуального права о подведомственности и подсудности.

Появление и развитие практики т.н. «наднациональных юрисдикционных органов» (например, суд ЕСПЧ), принятие решений в рамках МКА вторгающихся в суверенные права государства (например, решение арбитража ad hoc по делу *Hulley Enterprises Limited v. Russian Federation* (спор, связанный с последствиями ликвидации компании ЮКОС). В данном случае суд (международный арбитражный) обосновывал свою компетенцию рассматривать спор ссылкой на документ (Европейскую энергетическую хартию), не ратифицировавшийся государством-ответчиком.

Защитная реакция государств в части обеспечения своего юрисдикционного иммунитета, как правило, не ограничивается процессуальными нормами. В ряде случаев обращение к иностранным судам может быть обусловлено исчерпанием возможностей разрешения спора в

национальных судах. Такой подход нашел отражение в доктрине Кальво, воспринятой в государствах Латинской Америки. Подобное условие предусмотрено в Законе ЮАР О защите инвестиций 2015 г. Изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г. в числе прочего предусмотрели наделение Конституционного суда РФ дополнительными полномочиями разрешать *«вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на РФ, в случае, если это решение противоречит основам публичного правопорядка РФ»* (пп.б) п.5¹ статьи 125 Конституции РФ).

5. Очевидна необходимость обеспечить соответствие правового регулирования в сфере признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений имеющемуся на сегодняшний день уровню и интенсивности международных имущественных правоотношений. Двусторонние договоры по вопросу взаимного признания иностранных судебных решений после 2001 г. Российской Федерацией не заключались, количество государств, с которыми в настоящее время такие договоры имеются невелико. Отсутствие определенности в части, касающейся перспективы приведения в исполнение судебного решения, вынесенное в другой юрисдикции, создает нежелательную нестабильность и непредсказуемость в имущественных правоотношениях.

В проведенном исследовании автор уделяет особое внимание Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам от 2 июля 2019 г., приняв во внимание намерения её разработчиков создать универсальный регулятор в рассматриваемой сфере.

6. Итогом проведённой диссертантом работы стала сформулированная автором концепция косвенной судебной юрисдикции. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что косвенная юрисдикция представляет собой определение «при признании иностранных судебных решений границ приемлемости иностранных судов по разрешению трансграничных частноправовых споров». По существу, автор предлагает одному суверенному государству оценивать то, как образом (правильно или неправильно) другое суверенное государство определяет компетенцию своих судов, и не выходят ли эти «чужие» суды за пределы своей компетенции. Такая позиция представляется не вполне удачной поскольку создает элемент нестабильности во взаимоотношениях государств. Кроме того, ключевой термин исследования – трансграничные частноправовые споры, также является не вполне удачным. Более корректным и понятным представляется традиционное «споры из гражданских правоотношений с иностранным элементом». В термине, используемом автором, не понятно, что значит «трансграничный спор». Тем не менее, несмотря на сделанные замечания относительно разработанной автором концепции «косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам», проведенное исследование является оригинальным, обладает научной новизной и представляет собой вклад диссертанта в науку.

7. Диссертантом проведён тщательный анализ российского законодательства, а также законодательства иностранных государств и судебной практики зарубежных судов в области признания иностранных судебных решений в части, касающейся «косвенной судебной юрисдикции». Проведенное исследование позволило автору сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства – в Гражданский процессуальный и Арбитражный процессуальный кодексы Российской Федерации.

В целом, работа О.А. Шеповаловой может быть оценена как серьёзное и интересное научное исследование заявленной темы. Структура работы

продумана и последовательна, каждая глава направлена на решение отдельных задач исследования для достижения поставленной цели. Автор излагает свою позицию логично и ясно. Выдвинутые автором предложения обоснованы, непротиворечивы и заслуживают поддержки.

Сформулированные в п.6 настоящего отзыва замечания, касающиеся концепция косвенной судебной юрисдикции, а также понятия трансграничные частноправовые споры, носят исключительно дискуссионный характер равно как и предложение не ограничиваться практикой государственных судов.

Сделанные замечания не влияют на положительную оценку диссертационного исследования, которое представляет собой актуальное, самостоятельное и оригинальное изыскание.

Основные научные результаты диссертационного исследования, выводы и рекомендации достоверны, обоснованы, отличаются научной новизной, имеют существенное значения для развития российского права, в том числе и международного частного права. Опубликованные по теме диссертационного исследования научные работы автора отражают содержание диссертационного исследования.

С учетом всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что диссертационное исследование Шеповаловой Олеси Александровны на тему: «Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам» соответствует специальности 5.1.5. Международно-правовые науки. Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научных задач, имеющих значение для развития российского законодательства, международного публичного права, международного частного права, международного гражданского процесса.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация отвечает критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета,
доктор юридических наук,
профессор кафедры Международного
частного и гражданского
права им.С.Н.Лебедева МГИМО МИД РФ

«__» _____ 2024 г.

Н.Г. Семилютина